

Кто под красным знаменем, или Совсем другая Кармен

ВЕРСИИ

Ирина МЯГКОВА

Фламенко — одна из туристических достопримечательностей Испании. Однако современный театр в испанской провинции восстает сегодня против сутубо этнографической, фольклорной эксплуатации национальных танцевальных форм. Точно так же, как восстает он и против канонизации известных литературных сюжетов, произошедших на испанской земле. Мне довелось недавно увидеть чрезвычайно любопытный результат этого двойного бунта: спектакль "Кармен" в постановке Сальвадора Тавора.

Четверть века назад он создал в Севилье театр "Севильская конюшня", посвятивший свою деятельность проблемам современной социальной жизни прежде всего и почти отказавшийся от слов и речей. Как скомпрометировавших себя способов выражения. Использует же он музыку, танец, пластику, создавая собственный язык "физической поэзии чувств", и играет для демократической аудитории по всем странам мира.

От своей матери в детстве Сальвадор Тавора услышал историю Кармен — работницы табачной фабрики в Севилье. Позднее, удалевшись историей родной Андалусии, прочитал в старой книге "Севилья 1790—1868. Картинки общественной жизни", что Кармен — предвестница нового класса — пролетариата — в его женской ипостаси, чья деструктивная функция, функция неповиновения власти общества и мужчины, носит не только социальный, но и сексуальный характер. Сигара же как раз и предстает неким эротическим символом.

Тавора решительно заявляет о своем разрыве с укоренившимся

после новеллы Мериме и оперы Бизе романтическим мифом о роковой цыганке, ряженых тореро и разбойниках-контрабандистах. В его спектакле нет ничего привычного актерского. Кажется даже, что в нем заняты не профессионалы, а прямые потомки участников давно минувших событий, которые специально собираются, оторвавшись от будничных дел, чтобы раз в году разыграть историю девушки по имени Кармен.

Роль хора в "Кармен" отдана двум старым толстым испанкам, которые, не переставая лопом закручивать на собственных ляжках те самые сигары (лишний намек на то, что не театром они зарабатывают на жизнь), надтреснутыми, ломкими и напряженными голосами, столь характерными для истинных мастеров фламенко, ведут нить сюжета и комментируют его. Кроме них, постоянными свидетелями и участниками событий выступают человек тридцать военных музыкантов. Их инструменты — барабаны и корнеты, маленькие трубы, — каждая способна на ограниченное количество звуков в определенном регистре. Однако все вместе эти архаичные инструменты звучат объемно и мощно. Не только слушать этот странный оркестр, но и наблюдать за музыкантами — огромное удовольствие. Именно потому, что для каждого несколько нот его корнета — не привычная будничная работа, а священнодействие, ритуал, и, если предстоит солировать, корнетист истово крестится.

Столь внушительное музыкальное войско, разумеется, воплощает собой незыблемость и силу общественного уклада. К тому же и возлюбленный Кармен Дон Хосе — офицер, он из этой упорядоченной, дисциплинированной, слаженной среды. Более того, война и армия — очень важные составные сюжета. Ибо в Севилью войдет под звон колоколов революционный генерал Риго, несчастного Хосе арестуют как представителя враждебной королевской армии, и Кармен бу-

дет носить ему передачи и хлопотать об его освобождении. Позднее, когда Кармен полюбит пикадора Лукаса и падет от руки ревнивого Хосе, армия расстреляет своего офицера. А еще позднее, в эпилоге, повесят и революционного генерала Риго.

Правда реальной жизни, которую ищет Сальвадор Тавора, проявляется и в том, что пикадор Лукас, как ему и положено, появляется исключительно в седле.

Похоже, известная фраза "девятнадцатый век в России прошел под знаком конного цирка" оказалась пророческой и для конца века двадцатого. В самом деле, сегодня лошадь на сцене, в противовес былым оперным статистам, все чаще оказывается полноправным партнером человека. В "Гамлете" Шеро Призрак верхом на лошади становился всадником Апокалипсиса. В спектаклях Бартабаса лошади заставляют вспомнить о путешествии Гулливера в страну гуингмов. А у Тавора конь Лукаса производит впечатление не только самим фактом своего присутствия, но и тем, что движется в ритмах фламенко, как бы прищелкивая копытами. На этих ритмах, достаточно разнообразно варьируемых (по сравнению с чисто фольклорными), построен весь спектакль. И если фламенко Лукаса определяет горделивая поступь его коня, то фламенко Хосе похоже на пронзающие, острые движения холодного оружия. И сам он, тонкий и стремительный, напоминает штык. Штыком он и заколет Кармен.

Что касается Кармен, то и она производила в этом спектакле самое неожиданное впечатление. Совсем юная, светловолосая, ничего фатального и огневого. В сущности, фабричная девочка. Впервые полюбившая и в своей любви презревшая все правила и обычаи. В ее движениях нет вызова — только достоинство и даже застенчивая угловатость. Но только не робость, не уступчивость, не смирение. Нет ни агрессии, ни напора, но оста-

новить ее нельзя. Актерская немелость, неопытность, как это ни странно, идут исполнительнице на пользу, подкрепляют наше доверие к персонажу. Даже в сцене, которая у бывшего советского человека в лучшем случае вызовет снисходительную усмешку, а в худшем — раздражение и протест. Это явление Кармен с красным знаменем в момент встречи с революционным генералом Риго. Трудно предсказать, какой была бы реакция зрительного зала, будь "Кармен" показана у нас. Однако наш исторический опыт вовсе не для всех скомпрометировал самую идею. И публика в марсельском Театре Турски встретила сцену аплодисментами.

Надо сказать, что восприятие "Кармен" марсельцами было в значительной степени обусловлено "революционной ситуацией" в городе. В разгар предвыборной борьбы (в результате которой к власти пришли левые), во время демонстрации против Ле Пена полиция задержала 14 человек. Среди них — художественного руководителя Театра Турски Ришара Мартена. Всем грозил суд. Но немедленно был создан комитет поддержки. В течение месяца перед Дворцом правосудия проводились митинги. Театр Турски стал на время штабом борьбы. Здесь состоялся вечер в поддержку арестованных, билет на который стоил 50 франков, а весь сбор предназначался адвокатам. Зал был битком набит. Сотни людей чувствовали себя членами некоего братства в защиту Справедливости. Входящие в театр охотно демонстрировали специальную службу безопасности отсутствие бомб и оружия в карманах и сумках. В этой атмосфере солидарность и сплоченность в борьбе за права человека не казались иллюзией. Хотелось верить и действовать вместе со всеми. И революционная Кармен с красным флагом уже не казалась такой наивной.

МАРСЕЛЬ — МОСКВА